

XVI $\frac{45}{10}$

1913 9.4.6

13-24

$\bar{v} - \bar{x}$

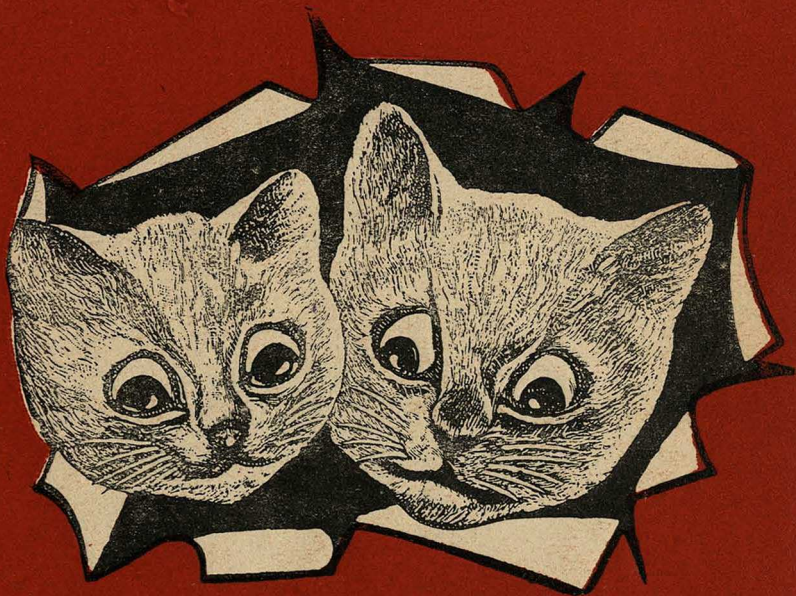
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выписи въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія шестой.

МАЙ.

№ 13.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

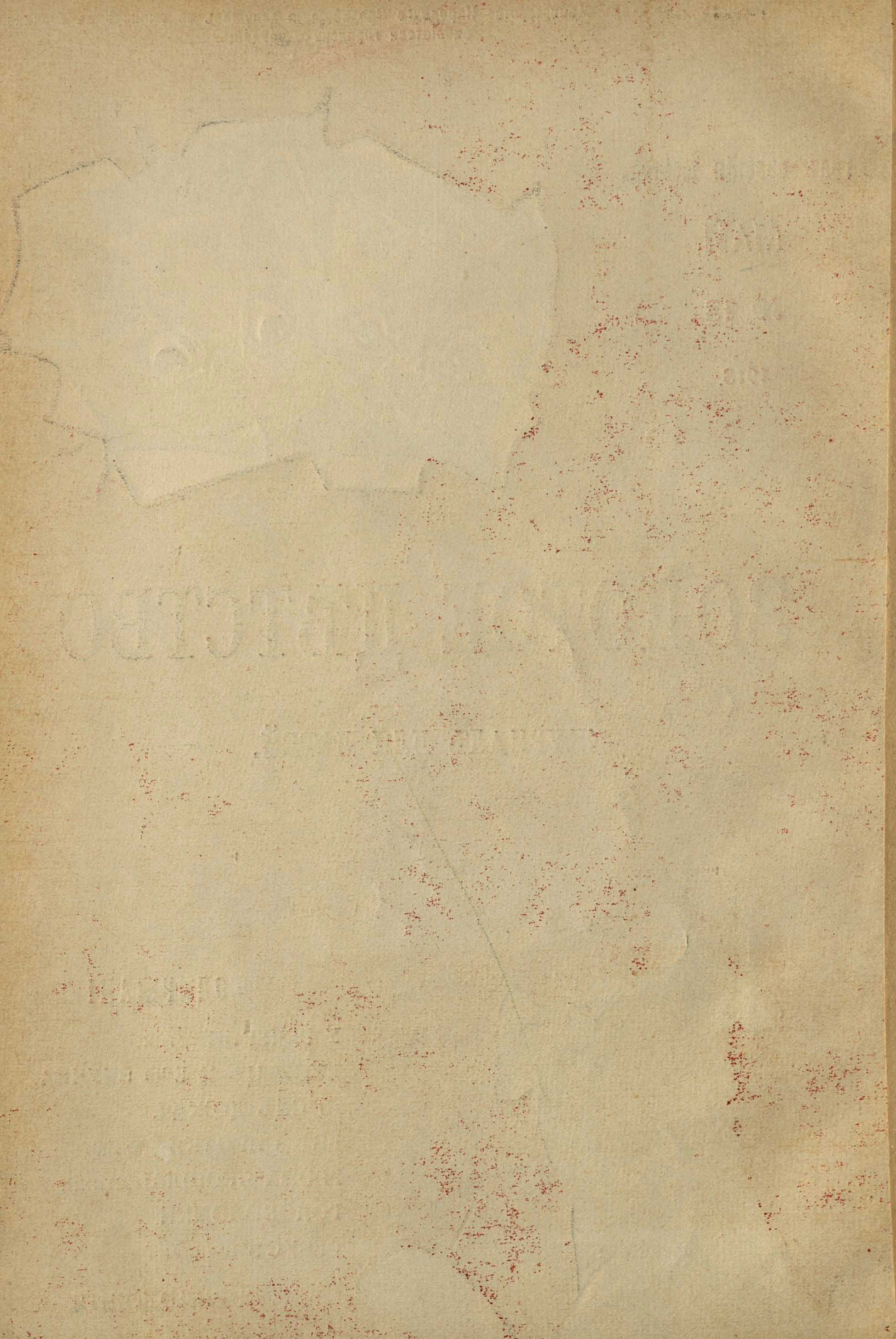

СОДЕРЖАНІЕ:

У ВЕЧЕРНИ (стих.).
КУЗНЕЦЪ И ЕГО ВНУЧКА.
ПОСЛѢ ДОЖДЯ.
ДВѢ СИРОТКИ (повѣсть).
ГРОЗА ПРОШЛА! (стих.).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Лабиринтъ (игра).

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ выд.	Таблиц	К а р т	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исчислка
	12	1913 113-24 IV-X					220 3407

2761—45

79

121

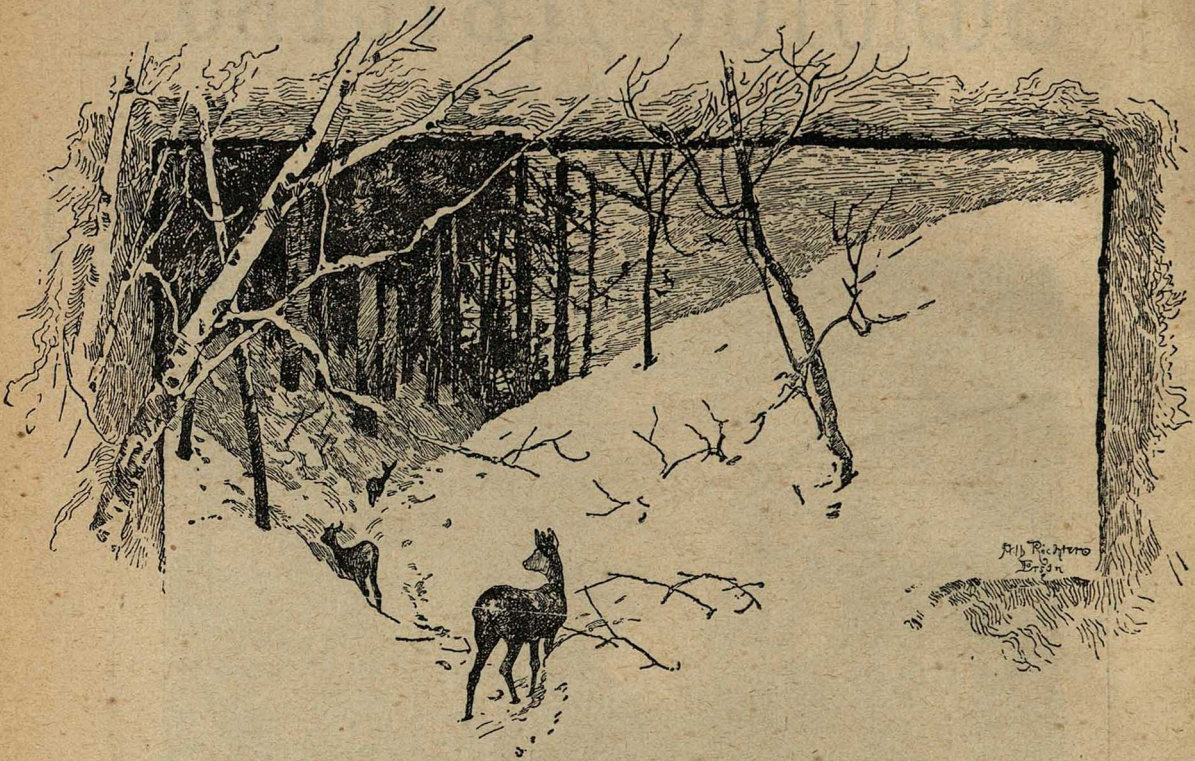

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Въ полдень.

У ВЕЧЕРНИ.

Колокола звонять къ вечернѣ.
 Вся церковь свѣтомъ залита
 И со стѣны въ вѣнцѣ изъ терній
 Глядитъ склоненный ликъ Христа.
 Шаги молящихся неясно
 Въ далекій, смутный гулъ слились,
 Церковный хоръ поетъ согласно
 И еиміамъ струится ввысь.
 Изъ воска тоненькія свѣчи
 Мерцають тихо у иконъ.

Вотъ впереди, согнувши плечи,
 Старикъ кладетъ земной поклонъ.
 Передъ иконою старуха
 Свѣчу съ молитвою зажгла.
 На колокольнѣ, слышно глухо,
 Еще звенять колокола.
 А въ окна льется свѣтъ вечерній,
 Сквозь ладонь легкій лучъ проникъ
 И со стѣны въ вѣнцѣ изъ терній
 Глядитъ Христа склоненный ликъ.

Е. Оберучева.

КУЗНЕЦЪ И ЕГО ВНУЧКА.

НОРВЕЖСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Жилъ однажды на свѣтѣ старый кузнецъ, по имени Андрей. Отъ долгой работы передъ горномъ и отъ копоти и жары онъ весь потемнѣлъ и огрубѣлъ и сѣдые волосы свѣтлыми прядями падали на его лицо. Руки у него были жесткія, мускулистыя и отъ частыхъ ударовъ тяжелымъ молотомъ дрожали такъ, что когда онъ подносилъ ко рту чашку съ чаемъ или ложку съ ѣдой, то проливалъ и просыпалъ то, что въ нихъ находилось.

У Андрея была маленькая внучка. Звали ее — Лиза. Она была румяна и свѣжа, какъ яблоня въ полномъ цвѣту. Родителей у нея не было, она давно уже осталась сиротой и жила у своего дѣдушки. Онъ не чаялъ въ ней души и только и думалъ, что о ней.

Жизнь стараго кузнеца была тяжела. Съ ранняго утра и до поздняго вечера онъ находился у себя въ мрачной, закоптѣлой кузницѣ, куда совсѣмъ не проникалъ солнечный свѣтъ и гдѣ свѣтились однѣ только искры, вылетающія изъ подъ горна. Онъ не слышалъ ни щебетанья птицъ, ни мычанія скота, ни голосовъ людей, а только одни громкіе удары молота о наковальню раздавались въ его ухахъ. Онъ любилъ, чтобы его внучка

была весела и сыта, но ремесло его приносило ему мало дохода, такъ что иной разъ не на что даже было купить и углей, и потому приходилось работать съ самаго ранняго утра и до поздней ночи.

Однажды утромъ, когда было холодно и отъ декабрьской стужи трудно было согрѣться даже въ кузницѣ, Андрей замѣтилъ, что маленькая Лиза очень озябла и хотѣла ѣсть. Чтобы дать ей возможность согрѣться, онъ вытащилъ изъ кармана послѣднюю монету и послалъ ее въ булочную.

— Пойди-ка Лиза, купи себѣ булочку! сказалъ онъ. — Кстати погрѣйся тамъ немножко! Въ булочной теплѣе, чѣмъ у насъ!

Дѣвочка взяла отъ него деньги и, пытлииво посмотрѣвъ на дѣдушку, вышла изъ кузницы.

„Отчего дѣдушка сталъ такой печальный?“ подумала она.

Какъ только дѣвочка ушла, старикъ присѣлъ на скамейку и задумался. Его лицо еще больше омрачилось. Завсюего трудовую, полную лишней жизни онъ никогда еще такъ не нуждался, какъ теперь. Никогда еще отсутствіе заработка не давало себя такъ чувствовать, какъ именно теперь, когда онъ былъ уже старъ, не имѣлъ ничего и когда его силы слабѣли съ каждымъ

днемъ и ничего не предвидѣлось впереди. Тѣ деньги, которыя онъ отдалъ сейчасъ Лизѣ, и этотъ кулъ угля, который приходилъ уже къ концу,—было все, что онъ имѣлъ. Но какъ работать безъ угля? Чѣмъ согрѣть себя и Лизу въ долгую декабрьскую ночь? Какъ жить? На что купить топлива, безъ котораго невозможно заработать ничего?

Но декабрьскій день былъ коротокъ и не время было долго думать и отдыхать. Онъ всыпалъ часть углей въ печь и привычнымъ движеніемъ сталъ раздувать мѣхами огонь. Какъ только угли покраснѣли и отъ нихъ распространилась по кузницѣ пріятная теплота, къ нему возвратилась и надежда. Что, если онъ успеетъ до вечера, на этихъ самыхъ угляхъ, додѣлать заказанные ему кочергу, петли на дверь и желѣзный крюкъ? Тогда онъ получитъ сегодня-же деньги за свою работу и купить на нихъ еще кулъ углей. Этого ему хватитъ на недѣлю, а тамъ—тамъ онъ, быть можетъ, заработаетъ еще!..

И онъ снова принялся за молотъ и, боясь, какъ-бы не прогорѣли скоро угли и не остыла печь, сталъ быстро стучать имъ по наковальнѣ.

Въ это время неожиданно вернулась Лиза. На ней не было лица. Она тяжело дышала отъ испуга.

— Ну, что съта? обратился къ ней дѣдушка, не глядя на нее.— Согрѣлась? Поѣла хлѣбца?

— Нѣтъ, отвѣтила дѣвочка прерывавшимся голосомъ.—Я отдала денежку женщинѣ съ ребенкомъ, которые встрѣтились мнѣ по дорогѣ и просили милостыню... Мнѣ стало ихъ такъ жалко!

Дѣдушка нахмурился.

— Чего-же ты такъ тяжело дышешь? спросилъ онъ.— Тебя кто-нибудь испугалъ?

— Да, дѣдушка, отвѣтила она.— Когда я проходила мимо рѣки, то какой-то мальчикъ провалился въ прорубь и сталъ въ ней тонуть... Я подбѣжала къ нему, подала ему руку и помогла ему вылѣзти изъ воды. Но онъ тотчасъ-же лишился чувствъ и такъ и остался мокрый лежать на льду... Дѣдушка, побѣжимъ скорѣе къ нему и принесемъ его сюда! Иначе онъ замерзнетъ совсѣмъ!

Старый кузнецъ еще больше нахмурился и печально поглядѣлъ на свои только что разгорѣвшіеся угли.

— Ну, что-же, дѣдушка? снова заговорила Лиза.— Ты пойдешь? Вѣдь надо спѣшить! Иначе мальчикъ замерзнетъ совсѣмъ!

Кузнецъ вытащилъ изъ углей кусокъ желѣза. Оно раскалилось уже до красна и его можно было начать ковать. Но онъ молча положилъ его на наковальню остывать и, бросивъ печальный взглядъ на спорѣвшіе бесплодно уголья, взялъ дѣвочку за руку и покорно сказалъ:—

— Пойдемъ!

Они пришли къ рѣкѣ. У проруби лежалъ мокрый мальчикъ и все еще находился безъ чувствъ. Кузнецъ склонился надъ нимъ, осмотрѣлъ его и, убѣдившись, что онъ былъ еще живъ, поднялъ его на руки и понесъ его къ его родителямъ. Тамъ его встрѣтили съ криками ужаса, но онъ объяснилъ имъ, что мальчикъ еще живъ, успокоилъ испугавшихся мать и отца и помогъ имъ раздѣть мальчика и уложить его въ постель. А затѣмъ онъ снова взялъ Лизу за руку и повелъ ее домой.

— Ахъ, Лиза, Лиза! сказалъ онъ по дорогѣ. — Ты и представить себѣ не можешь, какъ мнѣ дорого обошлась сейчасъ твоя доброта! Чѣмъ я буду теперь разжигать свою печь?

Лиза молчала и всю дорогу не произнесла ни слова. Такъ они пришли къ себѣ въ кузницу. Печка уже потухла, желѣзо остыло и вмѣсто красныхъ когда-то углей теперь лежала холодная, сѣрая зола. Лизѣ было неловко, что она оторвала дѣдушку отъ дѣла и заставила его понести убытокъ, она съ жалостью взглянула на него, глубоко вздохнула и вышла изъ кузницы. Старикъ видѣлъ, какъ она побрела къ селенію, и въ свою очередь глубоко и протяжно вздохнулъ.

— „А все-таки она хочетъ ѣсть!“ подумалъ онъ про нее и сталъ снова разжигать свою печь.

Онъ вытрясъ изъ куля послѣдніе остатки углей и всыпалъ ихъ въ горно. Если онъ не успѣетъ теперь-же, немедленно, пока будутъ горѣть эти угли, сковать кочергу, дверныя петли и желѣзный крюкъ, то онъ надолго останется съ Лизой безъ куска хлѣба и безъ тепла.

И онъ снова потянулъ за рычагъ отъ мѣховъ и сталъ раздувать огонь. Угли покраснѣли и въ кузницѣ стало привѣтливѣе и веселѣй. Старикъ схватилъ полосу желѣза и сунулъ ее въ самый огонь. Теперь онъ напряжетъ всѣ свои силы, употребитъ все свое умѣнье и, чтобы тамъ тамъ ни случилось, исполнитъ порученный ему заказъ. Онъ сегодня-же снесетъ его къ заказчику, сегодня-же получитъ за него деньги и купитъ на нихъ хлѣба и углей. Онъ и Лиза пойдутъ на ночь, истопятъ печь и всю ночь будутъ спать въ теплѣ. А морозъ, какъ нарочно, все крѣпчалъ и крѣпчалъ.

Желѣзо накалилось до-красна. Старый кузнецъ взялъ щипцы и приготовился вынуть ими его изъ горна. Сейчасъ онъ выкуетъ изъ него кочергу и крюкъ.

Какъ вдругъ у кузницы послышались голоса:—

— Входи, входи! говорила кому-то Лиза.— Дѣдушка сдѣлаетъ для тебя все!

Кузнецъ остановился и оглянулся назадъ. Въ кузницу входили

Лиза и съ нею какой-то незнакомый человекъ. Онъ держалъ въ рукѣ сломанный топоръ.

— Ну, говори, говори дѣдушкѣ, подбодряла его Лиза, — чего тебѣ отъ него надо! Онъ добрый и для тебя сдѣлаетъ все.

Незнакомецъ вошелъ въ кузницу и протянулъ къ старому Андрею свой топоръ.

— Сейчасъ я рубилъ въ лѣсу дерево, сказалъ онъ, — и сломалъ свой послѣдній топоръ. Купить новый—я не имѣю денегъ, а починять безъ денегъ этотъ—не беретъ никто. У меня-же нѣтъ ни одной копѣйки, чтобы заплатить. Если я останусь безъ топора, то не заработаю ничего и моя семья останется безъ хлѣба и безъ тепла. Помогите мнѣ, дѣдушка, почините мнѣ этотъ топоръ! Я не побезпокоилъ-бы тебя, но твоя внучка встрѣтилась со мной и повела меня прямо къ тебѣ!.. Пожалѣй меня!.. У меня шесть человекъ дѣтей и больная старуха-мать..

Старикъ-кузнецъ въ безсиліи отпустилъ молотъ и не зналъ, что ему отвѣтить. Необходимо было спѣшить, угли догорали и если онъ не успѣетъ сейчасъ выковать хотя-бы одну только кочергу, то самъ останется безъ хлѣба.

— Ну, что-же, дѣдушка, ты молчишь? обратилась къ старику Лиза. — Неужели ты не поможешь этому бѣдняку? Ты только подумай, какъ ужасно для него остатъ-

ся безъ инструмента, которымъ онъ добывалъ пропитаніе для своей семьи!

Кузнецъ глубоко вздохнулъ и нахмурилъ брови. Приняться сейчасъ за починку этого топора—значило истратить на это послѣдніе уголья и самому остаться ни съ чѣмъ.

— Ну, отвѣчай-же, дѣдушка! продолжала Лиза.—Развѣ я плохо сдѣлала, что привела этого человека сюда?

Она подошла къ старику и обняла его за закрутившую шею рукой. Онъ и самъ чувствовалъ, что долженъ былъ помочь обратившемуся къ нему бѣдняку, но страхъ за себя и за Лизу, помѣшалъ ему это сдѣлать сразу. Но она смотрѣла на него такими умолявшими глазами и такъ ласково прижалась къ его щекѣ своей щекой, что онъ наконецъ встряхнулъ сѣдою головой и потянулъ руку къ сломавшемуся топору.

— Ладно! рѣшительно отвѣтилъ онъ.—Давай его сюда! Свое можно додѣлать и потомъ!

И онъ кинулъ топоръ въ огонь, раскалилъ его до-красна, приварилъ къ нему раскаленное уже желѣзо и сталь быстро и умѣло ударять по нему молоткомъ на наковальнѣ. Чрезъ полчаса топоръ былъ готовъ, дровосѣкъ насадилъ его на топорнице и отправился съ нимъ въ лѣсъ зарабатывать имъ свой хлѣбъ.

Кузнецъ печально посмотрѣлъ на свое горно. вмѣсто красныхъ углей, въ немъ виднѣлась одна только зола и по всей кузницѣ сквозь щели въ потолокъ и въ двери сталь распространяться немолчимый холодъ.

А морозъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ.

— Ахъ, Лиза, нарушилъ наконецъ молчаніе кузнецъ, — если бы ты только знала, какъ дорого намъ обойдется сегодня ночью твоя доброта! Сохрани тебя Господь!

Спускался вечеръ. Становилось холодно. Въ кузницѣ было темно. Въ уголку, прижавшись къ охлажденной уже печи и укутавшись въ лохмотья, сидѣла Лиза. Привыкшій къ работѣ, кузнецъ не могъ оставаться безъ движенія и ходилъ взадъ и впередъ по кузницѣ. Это его согрѣвало.

— Вѣдь ты голодна! сказалъ онъ. — Ты ничего не ѣла съ утра! Тебѣ хочется ѣсть?

Лиза не отвѣтила ничего. Старику и самому хотѣлось ѣсть.

— Просить милостыню я не могу, продолжалъ онъ, но взять у сосѣдей займы для тебя кусочекъ хлѣбца, — конечно, я могъ-бы... Но я всѣмъ уже задолжалъ... Ты очень хочешь ѣсть?

Она опять ничего не отвѣтила. Онъ посмотрѣлъ на нее, его сердце сжалось отъ состраданія къ ней и онъ вышелъ на улицу и отправился къ сосѣду.

Полчаса спустя онъ вернулся обратно и съ веселымъ видомъ протянулъ къ дѣвчкѣ ломоть хлѣба и что-то черное высыпалъ на полъ около горна.

— Покушай хлѣбца, дитя мое! сказала онъ Лизѣ. — А это — немножко углей. Мнѣ дали ихъ займы. Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, мы зажгемъ ихъ и намъ хоть немножко будетъ теплѣе. Ихъ хватить не больше, какъ на часъ, но спасибо и за это. Ночью будетъ жестокой морозъ!

Но морозъ давалъ себя чувствовать уже и теперь. Старикъ хотѣлъ напиться воды и она оказалась у него въ кузницѣ замерзшей. Съдой иней выступилъ по стѣнамъ. Лиза по прежнему сидѣла въ уголку. Она не двигалась и молчала. Холодъ сковалъ ея члены, ей не хотѣлось даже высовывать изъ подъ лохмотьевъ руку, чтобы взять хлѣбъ и поѣсть. Ломоть хлѣба такъ и лежалъ передъ нею на краю печи. Далеко, на сельской церкви сторожъ пробилъ девять часовъ.

— Ты здѣсь посиди одна, снова нарушилъ молчаніе старикъ, — а я пойду опять къ сосѣдамъ и попрошу у нихъ займы дровъ. Такъ оставаться намъ на ночь нельзя. Ты можешь простудиться. Я вернусь скоро, ты не бойся. Только не зажигай углей безъ меня! Я уложу тебя въ постельку, тогда и зажгу!

— Ахъ, какъ она обрадовалась свободѣ!

Ваня и Маша.

И онъ снова вышелъ изъ кузницы. Лиза, слышала какъ снѣгъ закрипѣлъ подъ его сапогами и какъ этотъ скрипъ скоро смолкъ гдѣ-то вдали. Она закрыла глаза и стала дремать.

Скоро скрипъ снѣга подъ ногами послышался опять и кто то тихонько постучался снаружи въ дверь.

— Войди, дѣдушка, войди! быстро сказала Лиза.—Я еще не сплю!

Но вмѣсто дѣдушки въ кузницу вошла какая-то молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ. У нея было утомленное лицо и замѣтно было, что она шла уже давно и откуда-то издалека.

— Пустите, добрые люди, отдохнуть!... сказала женщина.—Мы сбились съ пути, очень устали и хотѣли-бы у васъ переночевать.

— Войдите, отвѣтила имъ Лиза.

— Ахъ, какъ намъ холодно! вздохнула женщина и въ безсиліи опустилась на лавку.—Какъ мнѣ хочется ѣсть!

Лиза вылѣзла изъ подъ прикрывавшаго ее тряпья.

— Сядьте сюда, обратилась она къ женщинѣ.—Здѣсь будетъ тепло! А вотъ и кусокъ хлѣба! Покушайте его!

Женщина сѣла въ согрѣтый Лизой уголокъ и укрыла своего ребенка ея еще теплымъ тряпьемъ. Затѣмъ она взяла съ печки ломъ хлѣба и сѣла его.

Лиза сѣла на скамейку и съежи-

лась отъ холода. Послѣ тепла она почувствовала себя еще болѣе зябко, чѣмъ прежде.

— Ахъ, какъ мнѣ холодно! застонала вдругъ женщина.—Какъ я озябла!

При слабомъ свѣтѣ лампочки Лиза увидала на полу маленькую кучку углей, принесенныхъ отъ сосѣда кузнецомъ.

— Я сейчасъ... сказала она.—Сейчасъ я васъ согрѣю!

Она всыпала угли въ горно, зажгла ихъ и стала раздувать мѣха. Угли загорѣлись и пріятная теплота разлилась по кузницѣ. Но это продолжалось недолго. Скоро угли прогорѣли, вмѣсто нихъ попрежнему оказалась зола и въ кузницѣ мало по малу снова воцарился холодъ. Лиза съежилась и опять сѣла на скамейку. Ей нечѣмъ было укрыть себя и скоро у нея озябли плечи и пальцы на ногахъ стали такъ болѣть, что ей хотѣлось плакать.

Въ это время послышались шаги. Скрипнула дверь и въ кузницу вошелъ кузнецъ. Увидѣвъ Лизу въ одномъ ситцевомъ платьицѣ, всю посинѣвшую отъ холода, онъ удивился, что она вышла изъ своего уголка.

— Отчего-же ты сняла съ себя свое пальто и мой тулупъ? спросилъ онъ ее.

— Тссс!... отвѣчала она и указала ему на незнакомку.— Ты ее разбудишь!... Она, кажется, заснула!

— Кто это?... спросилъ шепотомъ старикъ.

— Какая-то женщина... она очень устала и озябла и попросилась къ намъ переночевать...

— Но ты замерзнешь сама... Тебя нужно поскорѣе согрѣть!... Мнѣ не удалось добыть дровъ, но у насъ еще есть въ запасѣ немножко углей. Присаживайся скорѣе къ печи, я ихъ сейчасъ зажгу!

Лиза виновато улыбнулась.

— Дѣдушка, сказала она потихоньку, — ты прости меня! Эта женщина очень озябла и я сожгла уже всѣ твои угли, чтобы ее согрѣть.

— Сожгла? испугался дѣдушка и тутъ же печально произнесъ:— О, Лиза, если-бъ ты знала, какъ теперь дорого обходится на свѣтѣ доброта!

И, взявъ дѣвочку на руки, онъ сѣлъ на ея мѣсто, посадилъ ее къ себѣ на колѣни и завернулъ ее въ полы своего армяка. Она обняла его за шею и крѣпко прижалась къ его груди. Отъ этого имъ обоимъ стало теплѣе. Незамѣтно они стали дремать и скоро заснули совсѣмъ.

Тогда женщина тихонько встала со своего мѣста, вышла изъ уголка и все еще держа ребенка на одной рукѣ, подошла къ печкѣ и, другою стала раздувать мѣхи. И вдругъ вся печь наполнилась раскаленными углями, загудѣлъ въ

горнѣ огонь и яркія искры запыскали во всѣ стороны, какъ когда-то, въ былое время, когда кузнецъ былъ еще молодъ и не нуждался въ угляхъ. Вся кузница наполнилась теплотой и стало кругомъ такъ славно и уютно, какъ будто вовсе не было зимы. Крѣпко прижавшись одинъ къ другому, устѣны попрежнему спали, сидя на скамейкѣ, старикъ и Лиза и тихо улыбались во снѣ. А затѣмъ женщина снова отправилась къ себѣ въ уголокъ, укрылась тряпьемъ и тоже стала дремать. Ея ребенокъ приникъ къ ея груди и спалъ.

Насталъ разсвѣтъ. Тусклый свѣтъ декабрьскаго утра пробивался въ кузницу черезъ окошечко въ двери. Первою проснулась Лиза. Ей было весело и тепло.

— Дѣдушка, вставай! крикнула она.—Уже пора!

Кузнецъ встрепенулся и открылъ глаза. Спустивъ Лизу на полъ, онъ поднялся и размялъ свои усталые члены. Въ это время его взоръ упалъ на все еще горѣвшее горно. Масса углей пылала въ немъ и распространяла вокругъ себя желанную теплоту.

— Но вѣдь ты сказала мнѣ, обратилъ старикъ къ дѣвочкѣ, — что сожгла всѣ угли еще вчера?

Лиза ничего не отвѣтила и пылливо, полная удивленія, поглядѣла на женщину съ ребенкомъ. А та уже стояла около двери и собиралась уходить.

— Прощайте, добрые люди! обратилась незнакомка къ Лизѣ и къ старику.— Уже пора! Мнѣ еще далеко идти!

Они хотѣли ее удержать.

— Останься съ нами! отвѣтили они ей.— Мы будемъ тебѣ рады. Ты будешь у насъ, какъ своя..

Но она не согласилась и уже пріотворила дверь, чтобы уйти.

— Скажи, по крайней мѣрѣ, какъ тебя зовутъ? обратился къ ней старикъ.

— Марія! просто отвѣтила она.

— А какъ имя твоего ребенка?

— Иисусъ!...

Старый кузнецъ и Лиза остановились въ изумленіи, радость наполнила ихъ сердца, они хотѣли броситься къ ея ногамъ, но она уже вышла изъ кузницы и отправилась куда-то далеко одна. И еще долго, полные благоговѣнія, старикъ и Лиза стояли у порога и смотрѣли ей вслѣдъ.

А когда она скрылась наконецъ за дальнимъ лѣскомъ совсѣмъ, то они возвратились въ кузницу и подошли къ горну. Оно уже остыло

и огонь уже погасъ, но угли въ немъ все еще были раскалены и блестя, яркой, пламенной кучкой лежали на рѣшеткѣ.

„Чтобы это значило?“ подумалъ кузнецъ и нагнулся надъ горномъ.— „Никогда въ жизни не видалъ такихъ углей, которые-бы горѣли и не грѣли“...

И онъ ковырнулъ въ нихъ кочергой. Они съ пріятнымъ звономъ рассыпались по сторонамъ.

Онъ сгребъ ихъ въ ладони и поднесъ ихъ къ двери, чтобы лучше разглядѣть.

— Лиза! вдругъ радостно воскликнулъ онъ.— Подойди скорѣе сюда! Гляди! Вѣдь это—червонцы! Теперь мы богачи!

Лиза подбѣжала къ дѣдушкѣ и, не вѣря своимъ глазамъ, стала ощупывать новенькія золотыя монеты.

А затѣмъ они ссыпали деньги обратно и, полные глубокаго благоговѣнія, опустили на колѣни передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ только недавно сидѣли Богоматерь и Христосъ.

Гіальмаръ.

ПОСЛѢ ДОЖДЯ.

На свѣжей зелени ракичь
Еще кой-гдѣ сверкаетъ влага,
Грозой весеннею омытъ
Шиповникъ алый у оврага.

На вѣткахъ чуткихъ у осинъ
Висятъ брильянтова кисти
И розоватый бальзаминъ
Какъ будто сталь еще душистѣй.

Сбѣгаютъ мутные ручьи,
Далеко громъ гремитъ и тише.
И суетливо воробьи
Опять чирикаютъ на крышѣ.

Е. Селунская.

ДВѢ СИРОТКИ.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

Катѣ очень нравилось ходить въ гимназію. Ее не столько занимали самыя науки, которыя она давно уже изучила съ Костей, сколько самое хожденіе по утрамъ съ сумкой, общеніе съ подругами, разговоры, общія шалости и затѣмъ возвращеніе домой. Приходя всякій разъ изъ гимназіи, она трещала, какъ сорока, безъ умолку рассказывая бабушкѣ, нянѣ и Дуняшѣ о томъ, какъ она кому-нибудь подсказала и ее за это поставили на пять минутъ стоять, какъ въ чернильницу упала муха и потомъ вылѣзла на столъ и поползла по журналу, оставляя за собою длинный, черный слѣдъ,

какъ ее вызвали неожиданно и она отвѣтила лучше всѣхъ. Но больше всего она говорила о своей новой подругѣ Маргаритѣ Леонтьевой. Она была занята только ею одной, лучше ея — для нея не было ни одной дѣвочки на свѣтѣ и казалось страннымъ, что онѣ успѣли такъ скоро сойтись.

— Хоть-бы повидать ее однимъ глазочкомъ! говорила Назаровна. — Вотъ погоди, ужъ я выйду тебя встрѣчать и ее увижу!

Но Маргарита Леонтьева уходила изъ гимназіи совсѣмъ въ другую сторону и Назаровнѣ такъ и не пришлось ее ни разу увидѣть.

— Ты бы пригласила ее къ намъ! сказала бабушка.

Но оказалось, что Катя давно уже приглашала ее къ себѣ, но Маргарита ей отвѣтила, что она съ мамой не выходитъ никуда и не бываетъ ни у кого. Нѣсколько разъ за Маргаритой заходила въ гимназію Клара Ивановна. Катя познакомилась съ ней и сразу ее заобожала.

— Вотъ душечка! говорила она.—Такая прелесть эта Клара Ивановна!

— Да кто это Клара Ивановна-то твоя? спросила бабушка.—Учительница твоя, что-ли?

И узнавъ, что это была гувернантка Маргариты, бабушка и сама стала подумывать о гувернанткѣ для Кати. Но думы ея такъ и остались думами и Катя продолжала жить дома одна среди обожавшихъ ее старушекъ.

Въ гимназіи давались литературные вечера и Катя и Маргарита выступали на нихъ и читали съ эстрады нѣмецкіе стихи. Онѣ говорили, какъ настоящія нѣмки, пользовались успѣхомъ и ихъ учительница нѣмецкаго языка—фрейленъ Шписъ—очень гордилась ими.

— О, говорила она.—Кетхенъ и Гретхенъ мои самыя лучшія ученицы. Кетхенъ—большой шалунъ, а Гретхенъ—большой смѣхунъ, но это ничего: это скоро пройдетъ!

Однажды бабушка Наталья Ки-

рилловна отправилась въ городъ за покупками и, когда возвращалась домой мимо женской гимназіи, то изъ нея уже выходили гимназистки и расходились по домамъ.

„Развѣ подождать Катю?“ подумала она и, отойдя къ сторонѣ, остановилась у забора.

Скоро изъ двери вышли двѣ дѣвочки и направились въ сторону бабушки. Онѣ не замѣтили ея и, дойдя до угла, долго разговаривали о чемъ-то и то и дѣло прощались и цѣловались, но никакъ не могли разойтись. Это были Катя и Маргарита. Бабушкѣ очень понравилась Маргарита и захотѣлось съ ней ближе познакомиться и поговорить. Въ эту минуту къ дѣвочкамъ подѣхалъ экипажъ, въ которомъ сидѣла какая-то дама, тоже очень понравившаяся бабушкѣ. Дама эта поманила Маргариту къ себѣ, дѣвочки наконецъ простились окончательно и Маргарита вскочила въ экипажъ и уѣхала съ дамой. Бабушка подошла къ Катѣ.

— Бабушка! обрадовалась ей Катя.

Онѣ поцѣловались и, не спѣша, пошли домой. Всю дорогу Катя ей съ увлеченіемъ рассказывала о томъ, что было въ классѣ и какъ въ открытую форточку къ нимъ неожиданно влетѣлъ съ улицы воробей.

— Это было такъ интересно! сказала она.—Маргарита смѣялась

потомъ цѣлый урокъ, такъ что, глядя на нее, смѣялся даже и самъ батюшка.

Бабушка слушала ее и это ея щебетанье казалось старушкѣ сладкой музыкой, отъ которой растаивало ея сердце.

— А это кто-жъ та дама, спросила она, — съ которой уѣхала Маргарита?

— Это ея мама, отвѣтила Катя. — Она часто за ней заѣзжаетъ.

Въ другой разъ бабушка встрѣтила Евгению Федоровну въ соборѣ у всенощной. Былъ канунъ праздника и она отправилась туда съ Катей. Когда выходили изъ церкви, то Катя какъ-то неожиданно столкнулась съ Маргаритой.

— А я здѣсь съ мамой! сказала Маргарита.

— А я съ бабушкой, быстро отвѣтила Катя. — Вотъ она!

Увидѣвъ бабушку, Евгения Федоровна подошла къ ней, протянула ей руку и ласково поцѣловала ее въ губы.

— Позвольте познакомиться, сказала она. — Я такъ много слыхала о васъ отъ своей Риты, которая такъ дружна съ вашей Катей, и такъ много слышала отъ нея о васъ...

Бабушку умилили эта простота обращенія и этотъ поцѣлуй, она растрогалась и въ свою очередь отвѣтила ей:—

— Очень пріятно!.. Я такъ рада, что наши дѣвочки такъ сошлись!..

Милости просимъ къ намъ!.. Мы будемъ очень рады!..

— А вы пожалуйста къ намъ! сказала ей Евгения Федоровна и, прощаясь, вновь поцѣловала ее въ губы.

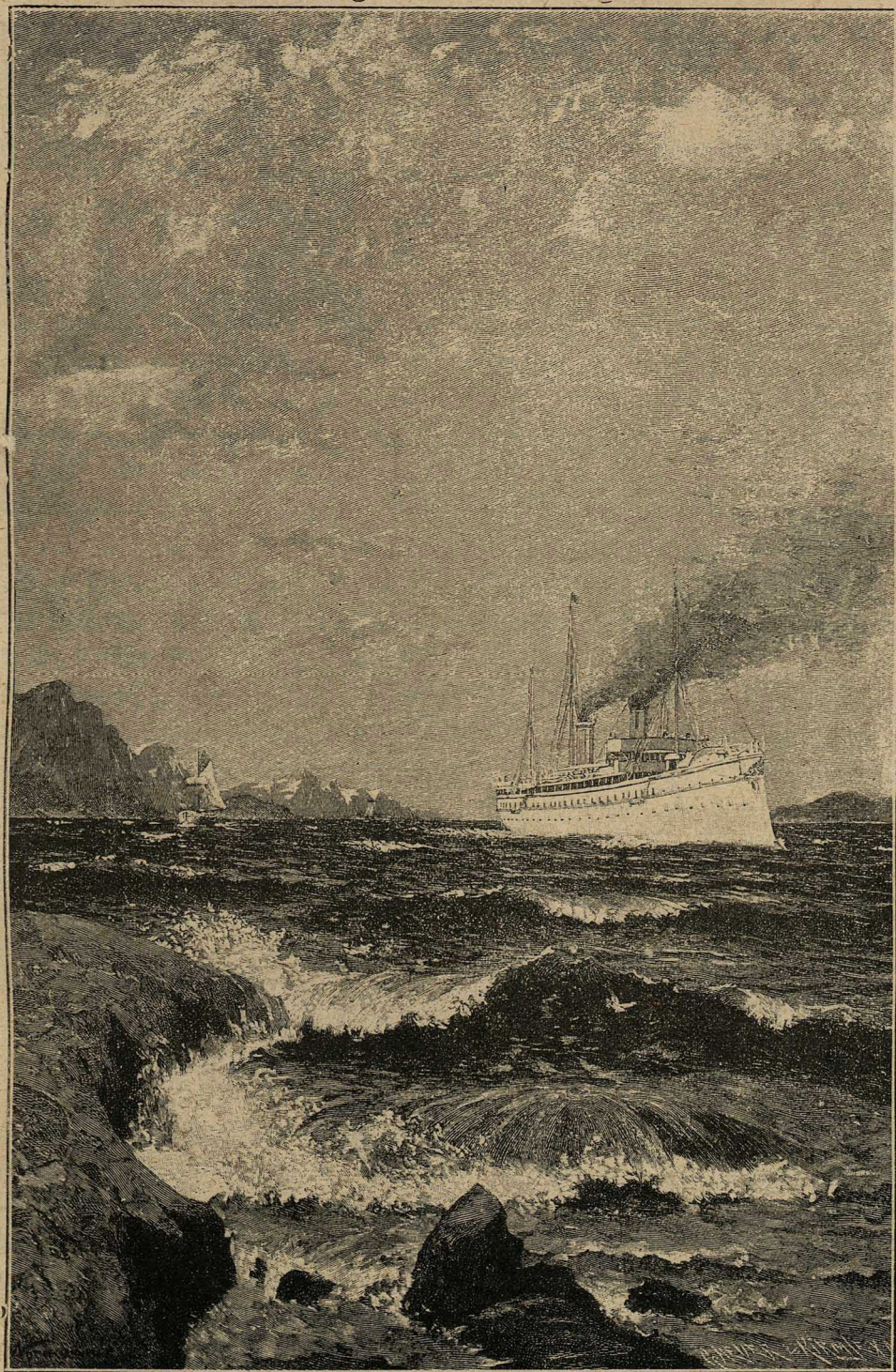
Бабушка была довольна. Евгения Федоровна еще въ первый разъ, когда бабушка видѣла ее около гимназіи, показалась ей важной и знатной дамой и теперь вдругъ оказалась такой ласковой и простой.

— Надо будетъ какъ-нибудь познакомиться съ ними поближе, сказала она. — Кажется, это хорошіе люди! Надо ихъ когда-нибудь къ себѣ зазвать!

Но проходили дни за днями и это сближеніе все какъ-то не удавалось. Настали затѣмъ дожди, потомъ холода, потомъ загудѣли метели и затрещали морозы и наконецъ стало приближаться Рождество. Катя ожидала его съ нетерпѣніемъ. Изъ Харькова долженъ былъ пріѣхать Костя. вмѣстѣ съ Катей ожидала его и Маргарита, которая не знала его, но многое знала о немъ по разсказамъ своей подруги. Бабушка въ нетерпѣніи считала дни и часы. Дуняша не разъ помыла полы и обмела стѣны въ комнатѣ Кости. Назаровна вычистила и выколотила всѣ его гимназическія курточки и штаны, точно онъ могъ въ нихъ опять ходить. Всѣ жили только имъ однимъ и ждали только его одного.

Привѣтъ утру.

Въ далекій пугь.

Онъ нарочно имъ долго не писалъ, вѣроятно, для того, чтобы пріѣхать сюрпризомъ, какъ снѣгъ на голову, и удивить всѣхъ. Теперь ужъ его звали дома не Костей, а Константиномъ Ивановичемъ и никому не казалась странной такая переимѣна названія.

— Надо-бы начать топить въ комнатѣ у Константина Иваныча, говорила бабушка, — а то стоятъ морозы и въ ней какъ-то холодно.

Или:

— Назаровна, Константинъ Иванычъ любилъ маринованные огурчики. Ты-бы посмотрѣла, не прокисли-ли они у насъ, и сняла-бы плѣсень!

10-го декабря, въ воскресенье, былъ день рожденія Евгениі Оедоровны. Утромъ къ бабушкѣ неожиданно пріѣхали Клара Ивановна и Маргарита и стали умолять ее, чтобы она отпустила къ нимъ вечеромъ Катю.

— Будетъ очень весело! затараторили онѣ обѣ разомъ.—У насъ будутъ еще другія дѣвочки—гимназистки, мы будемъ играть, танцевать и смѣяться!

Онѣ впустили съ собою струю морознаго воздуха, не захотѣли раздѣться и такъ и стояли въ передней въ шубкахъ и шапочкахъ и отъ ихъ розовыхъ личиковъ вѣяло счастьемъ и желаніемъ жить. Клара Ивановна очень понравилась бабушкѣ и показалась ей значительно моложе своихъ лѣтъ.

„Совсѣмъ еще дѣвочка!“ подумала она. „Такая-же попрыгунья-стрекоза, какъ и эти двѣ вострухи!“

Но веселое щебетанье молодежи, радостный блескъ глазъ и безпричинный смѣхъ заразили и ее и она тоже, глядя на нихъ, стала смѣяться. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ она усадила-бы всѣхъ ихъ троихъ сейчасъ за столъ и стала-бы угощать ихъ то тѣмъ, то другимъ, а подь конецъ позволила-бы имъ перевернуть въ домѣ все вверхъ дномъ и оставаться у нея ночевать!

Но Клара Ивановна и Маргарита торопились и, взявъ отъ нея слово, что она отпуститъ къ нимъ Катю непременно, уѣхали обратно домой.

Весь этотъ день Катя была сама не своя. Она готовилась къ предстоящему вечеру, то причесывалась, то распускала себѣ волосы и то и дѣло поглядывала на себя въ зеркало.

— Да ужъ хороша, хороша! подемѣивалась надъ ней бабушка.—Нечего вертѣться передъ зеркаломъ!

Наконецъ въ шесть часовъ вечера Катя отправилась къ Маргаритѣ. Ее пошла проводить туда Дуняша, а Назаровна отпросилась къ сосѣдской кухаркѣ и Наталія Кирилловна осталась одна. Весь домъ погрузился въ молчаніе и въ темноту.

Ахъ, какъ бабушка не любила

этого молчанія! Она сидѣла у стола и раскладывала пасьянсъ и прислушивалась къ вою поднявшагося вѣтра, который гудѣлъ въ голыхъ вѣтвяхъ деревьевъ. Пошелъ снѣгъ сверху, поднялся снизу и скоро нельзя было разобрать, что происходило въ природѣ. Вѣроятно, хотѣла начаться метель. Эта метель еще болѣе увеличивала одиночество бабушки. Она уже привыкла къ дѣтямъ, привыкла каждый день слышать ихъ голоса—и вотъ теперь Костя уже давно живетъ въ Харьковѣ, а Катя—въ первый разъ уѣхала изъ дому и оставила бабушку одну. Почему-то бабушка сегодня очень нервничала. Каждый шорохъ, каждый шумъ казались ей большими и вся эта мебель—всѣ это диваны, кресла и столы, которыми были уставлены ея комнаты, казались ей хранившими въ себѣ какую-то тайну заброшенности и одиночества, которыя пугали ее и напоминали ей о смерти. И она невольно начинала думать о быломъ, воспоминанія безмолвно развивали передъ ней свои свитки, она читала ихъ и ей казалось, что все для нея уже потеряно, что Костя уже отвыкъ отъ нея и не вернется къ ней никогда, а Катю найдутъ ея родители, отнимутъ ее у нея и разлучатъ ихъ навсегда. И чтобы отогнать отъ себя эти надоѣдливыя, скучныя мысли, она пересѣла на другое мѣсто, въ уго-

локъ, и стала снова раскладывать пасьянсъ.

— „Какъ-то тамъ Костя въ Харьковѣ живетъ одинъ? думала она.—Приѣдетъ-ли онъ на праздники домой? Не надѣлала-бы тамъ Катя глупостей въ гостяхъ! Она вѣдь озорная!..“

Такъ она думала и вдругъ слышался легкій звукъ бубенчика и кто-то остановился у крыльца. Она вздрогнула, поднялась съ мѣста и прислушалась. Да, кто-то дѣйствительно подѣхалъ къ ея домику! Она подошла къ окошку и, приложивъ ладони къ вискамъ, посмотрѣла на улицу. Сквозь сумерки она увидела лошадь и санки извозчика. Кто-бы это могъ быть?

И вдругъ распахнулись двери и въ прихожую вбѣжалъ какой-то молодой человекъ, веселый, розовый, весь въ серебристой, снѣжной пыли, и бросился къ бабушкѣ. Боже мой, какая радость! Она увидѣла своего несравненнаго Костю, обрадовалась ему, хотѣла—было прижать его къ себѣ и обнять, но ноги подкосились у нея и она прислонилась къ косяку, чтобы не упасть.

— Костенька!.. Костя!.. зашептала она. — Да какъ-же ты выросъ, какъ ты похорошѣлъ!

Онъ бросился къ ней, прижалъ ее къ сердцу, сталъ ее цѣловать, а около нихъ суетилась возвратившаяся Назаровна и, хватаясь то за подушки, то за чемоданъ,

и не зная, куда ихъ поставить, повторяла: —

— Ой, батюшки!.. Ай, матушки!.. Радость-то какая! А я, куриная слѣпота, вижу, что стоитъ баринъ какой-то, а узнать-то не могу!

Довольная, что такъ неожиданно возвратился ея любимецъ, Наталія Кирилловна тотчасъ-же принялась за хозяйство. Зажглись лампы, застучали чашки, зашумѣлъ самоваръ и старый домикъ проснулся опять, ожилъ и наполнился веселымъ голосомъ Кости.

— Что-же ты не написалъ? спросила его бабушка.—Я вышла-бы тебя встрѣтить на вокзалъ, оставила-бы Катю дома... А то она отпросилась въ гости...

— Такъ нечаянно собрался, отвѣтилъ Константинъ.—Лекціи уже прекратились и насъ въ этомъ году раньше отпустили.

Съли пить чай и, точно проправшаяся плотина, начался быстрый, оживленный разговоръ. Костя рассказывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, а бабушка и Назаровна слушали его и каждое его слово казалось имъ сладкой музыкой, которой онѣ не могли-бы наслушаться никогда.

А въ это время Катя чувствовала себя наверху блаженства. Она въ первый разъ въ жизни была въ гостяхъ въ такой богатой обстановкѣ и въ такомъ обширномъ домѣ. Подъѣзжая къ нему съ Дуняшей, она даже и не во-

ображала, что это тотъ самый домъ, около котораго когда-то она стояла вечеромъ съ Костей и на который съ завистью поглядывала сквозь рѣшетку парка. Она даже и въ мысляхъ не имѣла, что тѣ двѣ дѣвушки, которыя выскочили тогда на дорогу и которымъ Костя передалъ мячъ,—именно ея теперешнія знакомыя Клара Ивановна и Маргарита.

Евгенія Ѳедоровна встрѣтила Катю ласково, какъ родную дочь. Были еще дѣвочки и два мальчика. Танцевали, смѣялись, играли въ шарады, въ фанты и въ веревочку и Катѣ казалось, что ничего не могло быть интереснѣе этихъ игръ. Было много конфетъ и фруктовъ. Евгенія Ѳедоровна сама принимала участіе въ играхъ и отъ этого онѣ проходили оживленнѣе и гостямъ некогда было скучать. Такого веселаго вечера для Кати не было еще никогда.

Пока играли и танцевали, Евгенія Ѳедоровна не разъ и не два подходила къ Катѣ и ласково поправляла на ней волосы. Что-то необъяснимое притягивало ее къ ней и въ ея чертахъ она находила что-то свое, что-то такое, что было ей знакомо уже давно-давно и что она привыкла видѣть на своихъ портретахъ, на которыхъ была снята дѣвочкой Катиныхъ лѣтъ.

— „Какое странное сходство!“ думала она.—„Точно такую-же, какъ эта Катя, была когда-то и я!“

И она старалась обнять Катю лишній разъ и лишній разъ поцѣловать ее, чтобы побыть какъ-можно ближе съ ней и заглянуть ей съ самые глаза.

„Вотъ-бы она тоже была моею!“ мечтала она. — „Какъ-бы мы весело тогда зажили вчетверомъ!“

Катя возвратилась домой поздно, въ одиннадцатомъ часу. Это былъ первый вечеръ въ ея жизни, когда она такъ поздно ложилась спать. Заслышавъ ея голосъ въ передней, Костя быстро убралъ свои вещи и самъ спрятался за дверь. Бабушка приняла такой видъ, точно все время была одна.

— Поздно, поздно ты возвращаешься домой! обратилась она къ ней, едва сдерживая улыбку.

— Ахъ, бабушка, воскликнула Катя,—если-бъ ты знала, какъ тамъ было весело! Евгения Федоровна—такая душечка!

И вдругъ Костя выскочилъ изъ-за двери.

— Костька! взвизгнула Катя.— Костя! Откуда-ты? Здравствуй, дуракъ ты этакій! Когда ты приѣхалъ?

Она завизжала отъ нестерпимой, нахлынувшей на нее, радости и бросилась къ Костѣ на шею. Онъ не ожидалъ такого бурнаго выраженія восторга и старался высвободиться изъ ея объятий и вытиралъ рукавомъ щеки, которыя она цѣловала.

— Здравствуй, здравствуй! говорилъ онъ, тоже довольный, что

ее увидѣлъ.—Только, пожалуйста, не мни мнѣ галстухъ и не порти прическу!

Не зная потомъ, что дѣлать, радоваться-ли приѣзду Кости, или продолжать рассказывать о томъ, какъ было весело у Евгении Федоровны, Катя снова завизжала и стала прыгать отъ радости на одномъ мѣстѣ.

— Какъ это интересно! кричала она. — Какъ это интересно, что приѣхалъ Костя!

И она еще долго не могла успокоиться. А когда часы пробили наконецъ одиннадцать и бабушка приказала ей ложиться спать, то она спохватилась, что было уже поздно, и стала прощаться.

— Знаешь, бабушка, вспомнила она.—24-го декабря, въ сочельникъ — именины Евгении Федоровны и у Маргариты будетъ елка. Онѣ очень просили тебя отпустить къ нимъ меня и Костю. Они знаютъ, что онъ къ тому времени долженъ былъ приѣхать! Отпустишь, бабушка? А?

— Да ужъ ложись, егоза, спать! сказала ожидавшая ее Назаровна.—Утро вечера мудренѣ!

А Дуняша въ это время устранила постель для Кости. Она прикасалась къ его вещамъ такъ, точно онѣ были сдѣланы изъ золота или были священны.

— Ну, ужъ и молодець! восхищалась она.—А ужъ красавецъ—такъ я и сказать не могу какой!

Въ слѣдующее воскресенье къ Катѣ пріѣхали Клара Ивановна и Маргарита; чтобы подтвердить приглашеніе Евгеніи Ѳедоровны на елку. Катя обрадовалась гостямъ, бабушка заставила ихъ раздѣться и стала угощать ихъ вареньемъ. Живая, какъ ртуть, Клара Ивановна сразу-же освоилась въ домикѣ у Наталіи Кирилловны и ужъ забѣгала по всѣмъ его комнаткамъ такъ, точно прожила въ немъ со дня своего рожденія. Интересная, веселая, жизнерадостная, она произвела на Костю сильное впечатлѣніе. Въмѣсто пяти минутъ гости просидѣли цѣлые два часа и кончилось дѣло тѣмъ, что Костя разошелся и сталъ представлять клоуновъ и пѣвцовъ, которыхъ слышалъ въ Харьковѣ и даже наряжался въ бабушкины капоты и шляпу. Барышни покатывались отъ смѣха, бабушка была довольна и не могла наглядѣться на молодежь, а Дуняша и Назаровна выглядывали изъ за дверей и хихикали въ кулакъ. Имъ казалось нескромнымъ выходить въ гостинную при такомъ изысканномъ, блестящемъ обществѣ.

Костя отправился провожать гостей и вернулся въ восторгѣ.

— Ну, что-же? обратилась къ нему Катя.—Ты пойдешь на елку къ Маргаритѣ?

— Обязательно! отвѣтилъ онъ и лишній разъ, будто нечаянно, поглядѣлъ на себя въ зеркало.

Стали собираться на елку къ Евгеніи Ѳедоровнѣ. Катѣ сшили новое муслиновое платье; Костя то и дѣло примѣрялъ на себѣ свой черный сюртукъ, который уже нѣсколько разъ до этого надѣвалъ въ Харьковѣ. Онъ казался ему уже поношеннымъ и вышедшимъ изъ моды. Что, если-бы у него былъ фракъ? Съ какимъ-бы удовольствіемъ онъ надѣлъ его на елку! Евгенія Ѳедоровна прислала ему отдѣльное приглашеніе, въ которомъ она извинялась, что, не будучи знакомой съ нимъ, она все-таки очень желала-бы его видѣть у себя, такъ какъ много о немъ слышана отъ дѣвочекъ. Это ему очень польстило.

Настало 24-е Декабря. Сборы начались уже съ утра. Всѣ въ домѣ сбились съ ногъ, готовляя молодежь къ празднику, а Катя положительно потеряла голову, не могла ни ѣсть, ни пить и все время посматривала на часы, на которыхъ стрѣлки двигались такъ медленно, что всякій разъ ей хотѣлось плакать. Съ трудомъ дождалась она до вечера и когда наконецъ бабушка надѣла на нее муслиновое розовое платье, то у нея отъ радости что-то стало внутри дрожать. Костя вышелъ въ черномъ сюртукѣ и въ пышномъ галстухѣ и отъ него пахло духами. Назаровна и Дуняша не могли на нихъ наглядѣться, а бабушка озабоченно оглядывала

ихъ и все ей казалось, что на нихъ что-нибудь не такъ или что Катя слишкомъ горбится и не знаетъ, куда дѣвать свои непослушные руки.

Передъ тѣмъ, какъ имъ садиться на извощика, бабушка подумала немного и позвала Катю къ себѣ.

— Катя, подойди ка ко мнѣ! сказала она.

Катя вошла къ ней въ комнату.

Наталя Кириловна достала изъ комода ларецъ съ драгоценностями, которыя Костя привезъ изъ Берлина, и достала изъ него двойную нитку жемчуга съ бриллиантовымъ крестикомъ.

— Надѣнь-ка ее! сказала она.— Только, смотри, не потеряй!

Катя запрыгала отъ удовольствія. Бабушка надѣла ей на шею крестикъ и съ гордостью посмотрѣла на свою воспитанницу. Бриллианты замигали во всѣ стороны.

— Только, смотри, не потеряй! повторила бабушка.— Береги! Это тебѣ материнское благословеніе!..

Было наказано и Костѣ, чтобы и онъ почаще поглядывалъ на нитку жемчуга и крестъ. Затѣмъ Костя и Катя надѣли шубки и шумно вышли изъ прихожей. Сразу по ихъ уходѣ во всемъ домикѣ воцарилась тишина.

Прошли полтора часа. Бабушка отпила чай и принялась за пасьянсъ. Дуняша прибирала въ кухнѣ, а Назаровна копошилась около цвѣтовъ.

— Теперь нашъ Константинъ Ивановичъ отдѣлываетъ тамъ трепака, проговорила она.— Должно, всѣ барышни, какія тамъ есть, такъ и ахнули, увидя его. Не баринъ, а конфета... Вотъ-бы ему такую невѣсту, какъ Клара Ивановна... Совсѣмъ для него!..

— Что ты, что ты? испугалась бабушка.— Да какой онъ еще женихъ? Ему еще учиться надо!

— Ученье — ученьемъ, продолжала Назаровна, — а ужъ и барышня-то очень хороша...

Бабушка почему-то встревожилась, но въ глубинѣ души восторгалась, что ея Костя ужъ такой большой, что о немъ стали поговаривать уже, какъ о женихѣ. Къ тому-же ей и самой очень нравилась Клара Ивановна. И, запретивъ Назаровнѣ впредь поднимать объ этомъ разговоръ, она смѣшала карты и разложила ихъ вновь:—

— „Женится-ли когда-нибудь Костя на этой дѣвушкѣ?“ задумала она и почему-то покраснѣла.

Управившись съ цвѣтами, Назаровна постояла около двери и глубоко вздохнула. Ей было скучно. Все уже было сдѣлано, все убрано, вымыто и выколочено и теперь оставалось только сѣсть, сложить руки и ожидать въ бездѣльѣ праздника. Но она привыкла къ работѣ и не могла ни на минуту оставаться безъ дѣла. Она звѣнула разъ и другой, потомъ опять

Привалъ переселенцевъ въ Южной Америкѣ.

На лонѣ природы.

громко вздохнула, и видя что бабушка такъ занялась своимъ пасьянсомъ, что не желаетъ ей больше поручать никакой работы, вздохнула въ третій разъ:

— Пойти въ сундукъ, что-ли, поглядѣть, сказала она,—не завелась-ли тамъ моль?

И она тяжелыми шагами вышла изъ гостиной.

— Матушки мои!.. вдругъ послышался ея радостный голосъ изъ сосѣдней комнаты — Батюшки мои!.. Миленькіе мои голубчики!

— Чего ты тамъ Назаровна раскудахталась? крикнула ей Наталія Кириловна.

— Да вотъ гляжу и глазамъ своимъ, куриная слѣпота, не вѣрю!

И она возвратилась въ гостиную съ какимъ-то узелкомъ.

— Костенька миленькій, проговорила она съ умилениемъ,—да неужто-жъ ты былъ когда-нибудь такимъ маленькимъ?

И она развернула передъ бабушкой тотъ самый узелокъ съ дѣтскимъ бѣльемъ Кати, который когда-то сама-же не досмотрѣла, когда Евгенія Ѳедоровна уѣзжала за границу, и который былъ потерянъ затѣмъ горничной по пути на вокзалъ. Цѣлые десять лѣтъ онъ пролежалъ у бабушки на самомъ днѣ сундука и вотъ теперь случайно попалъ въ руки къ Назаровнѣ. Она развязала его, вынула изъ него вещь за вещь и разложила всѣ ихъ на столѣ. Зо-

лотой крестъ на золотой цѣпочкѣ блеснулъ у нея между пальцевъ и она набожно перекрестилась и поднесла его къ губамъ.

— Батюшки!.. снова проговорила она.—Матушки!..

Наталія Кириловна, поднялась съ мѣста.

— Это, Назаровна, не Костино бѣлье, со вздохомъ проговорила она,—и не Костинъ крестъ. Все это принадлежитъ кому-то другому, а кому именно, мы и до сихъ поръ не знаемъ! Этотъ узелокъ нашла наша Дуняша на улицѣ въ снѣгу десять лѣтъ тому назадъ и вотъ принесла его къ намъ... И съ тѣхъ поръ мы его бережемъ и онъ лежитъ у насъ!

И онѣ обѣ остановились передъ этими дѣтскими рубашечками и чепчиками и полныя какого-то трогательнаго, охватившаго ихъ чувства, глядѣли на нихъ и молчали. А затѣмъ Назаровна вздрогнула и стала что-то вдругъ припоминать. Точно запахомъ сирени вдругъ пахнуло ей въ лицо, или точно она услышала гдѣ-то тамъ, наверху, высоко подъ облаками, первый крикъ возвращающихся въ сѣверъ журавлей. И вдругъ ей захотѣлось снова жить у Евгеніи Ѳедоровны, видѣть себя такою-же, какъ она была десять лѣтъ тому назадъ, и нянчить маленькую Катю, около которой она провела столько безсонныхъ ночей.

А въ это время у Евгеніи Ѳеодоровны былъ балъ въ полномъ разгарѣ. Горѣла десятками огней елка, игралъ таперъ, танцевали гимназисты и гимназистки и Костя не давалъ никому скучать и ухаживалъ за барышнями. Онъ былъ душою бала. Клара Ивановна поглядывала на него и иногда вспыхивала и опускала глазки. Одна только Евгенія Ѳеодоровна чувствовала себя не по себѣ, волновалась, отвѣчала невпопадъ и то и дѣло хваталась то за лобъ, то за грудь. Это не ускользнуло ни отъ кого.

— Что съ тобой, мама? спросила ее Маргарита.

— Такъ, ничего!.. отвѣтила она измѣнившимъ ей голосомъ.—Иди, танцуй!

Полная трепетнаго волненія, она стояла въ сторонкѣ, держась за спинку кресла, чтобы имѣть около себя опору, и повторяла:—

— Неужели это она? Неужели мнѣ возвратилъ ее Господь?

Она чувствовала, что вотъ-вотъ лишится сознанія и упадетъ, и теперь уже не видѣла никого и ничего. Все слилось для нея въ одну общую, однообразную массу, она слышала музыку, видѣла передъ собой мельканіе огней и свѣтлыхъ платьевъ, но все это заслонялось теперь образомъ ея Кати, который выросалъ передъ нею изъ этой веселой жизнерадостной толпы и который неудержимо влекъ ее къ себѣ.

Она узнала свою нитку жемчуга и крестъ.

И, не будучи долѣе въ силахъ сдерживать себя, она воспользовалась минуткой, когда въ танцахъ случился перерывъ, и подошла къ Катѣ. Да, да, это она, ея дочь! Какъ это она раньше еще сомнѣвалась въ ней? Она узнаётъ! теперь въ этой дѣвочкѣ дорогія черты, эти глазки и эту прекрасную улыбку своего покойнаго мужа. И, взявъ Катю за руку, она нагнулась къ ней и поцѣловала ее въ лобъ.

— Пойдемъ со мной! сказала она.

Дѣвочка послушно послѣдовала за ней. Пройдя двѣ или три комнаты, онѣ очутились въ спальнѣ. Горѣла лампадка и освѣщала зеленоватымъ свѣтомъ стѣны. Стояла кровать, покрытая бѣлоснѣжнымъ бѣльемъ, и надъ ней висѣлъ образъ Скорбящей Богоматери, подъ которымъ виднѣлся маленькій портретъ ребенка мѣсяцевъ четырехъ или пяти.

— Откуда у тебя это ожерелье? обратилась къ Катѣ Евгенія Ѳеодоровна и вдругъ почувствовала, какъ забилося у нея сердце.— Какъ оно къ тебѣ идетъ!..

— Это мнѣ оставила моя покойная мама!.. смѣло отвѣчала Катя.—Костя только недавно привезъ цѣлый ларчикъ драгоценныхъ вещей изъ Берлина, которыя тамъ сохранялись въ банкѣ.

— А кто ихъ туда положилъ? съ безпокойствомъ спросила Евгения Федоровна.

— Не знаю... искренно отвѣтила Катя.

— А давно умерла твоя мама?

— Она не умерла, а утонула въ морѣ... Я этого не помню, потому что мнѣ тогда не было еще и года...

Евгения Федоровна вздрогнула и сердце у нея сжалось такъ, какъ не сжималось еще ни разу въ жизни. Не чудо-ли это? Неужели наплась ея дочь? Скорбящая Божія Матерь, которая смотрѣла съ иконы на ея горе и видѣла столько ея незримыхъ слезъ, вняла наконецъ ея мольбамъ и возвратила ей ея родную дочь. И, полная благодарности и материнскаго восторга, она схватила въ полумракѣ ее за плечи, прижала ее къ себѣ и стала покрывать ее безумными поцѣлуями.

— Ты знаешь? говорила она. — Ты—моя дочь! Ты—моя Катя, которой я лишились такъ давно!

Катя не вѣрила своимъ ушамъ. Это откровеніе поразило ее и, внѣ себя отъ радости, она не знала, что ей дѣлать и что говорить.

— Пойдемъ! вдругъ сказала ей Евгения Федоровна.— Пойдемъ сейчасъ-же къ твоей бабушкѣ!

Она схватила ее за руку и вытащила ее въ переднюю. Никто не замѣтилъ, какъ онѣ одѣлись и

вышли затѣмъ изъ дома. По прежнему горѣла елка, игралъ таперъ и Костя громко дирижировалъ танцами.

Наталья Кириловна и Назаровна съ умиленіемъ глядѣли на разложенное по столу дѣтское бѣлье. Какъ вдругъ раздался въ передней звонокъ.

— Святъ, святъ, святъ!.. перекрестилась Назаровна. — Кто-бы это такой былъ?

Послышались потомъ быстрые шаги Дуняши и вслѣдъ затѣмъ въ комнату ворвалась струя свѣжаго воздуха и, точно ураганъ, въ гостинную влетѣли Евгения Федоровна и Катя.

— Что случилось? испугалась бабушка.

Евгения Федоровна увидѣла разложенное бѣлье и крестъ, узнала ихъ и въ волненіи опустилась въ кресло.

— Моя!.. заговорила она, прижимая къ себѣ Катю. — Моя!.. Я не отдамъ ее никому!

Бабушка не поняла ее, встремилась и вскочила съ мѣста. Сердце у нея похолодѣло. Она вообразила, что Евгения Федоровна хочетъ отнять у нея Катю, и приготовилась ее защищать. Но въ это время Назаровна вдругъ что-то вспомнила, лицо ея освѣтилось радостной улыбкой, щеки ея вспыхнули и затѣмъ слезы брызнули у нея изъ глазъ.

— Барышня!..—Матушка!.. за-

кричала она.—Евгенія Ѳедоровна!.. Да ужели ты еще живенькая ходишь по землѣ? Ужели я, куриная слѣпота, вижу тебя, мою голубушку? Да что-жъ это я, дура набитая, сразу тебя не узнала?..

И она бухнула передъ Евгеніей Ѳедоровной въ ноги и, припавъ къ ея рукѣ, стала покрывать ее поцѣлуями.

— Назаровна!.. въ свою очередь воскликнула Евгенія Ѳедоровна.— Милая моя Назаровна!.. Хорошая, дорогая моя няня.

И она тоже стала плакать.

Бабушка глядѣла то на Евгенію Ѳедоровну, то на Назаровну, то на Катю и на ея дѣтское бѣлье, и вдругъ поняла все. Точно завѣса спала съ ея глазъ и она догадалась вдругъ, что ея Катя нашла свою мать и что теперь должна начаться новая жизнь, которая должна повернуть все по своему и заставить всѣхъ жить по другому. Но безмѣрная радость наполнила вдругъ ея душу и она подошла къ Евгеніи Ѳедоровнѣ и Катѣ, обняла ихъ обѣихъ за шею и крѣпко прижала ихъ къ себѣ.

— Слава Богу!.. шептала она.— Слава Богу!.. Такъ Богу угодно!.. Да будетъ Его святая воля во всемъ!..

А затѣмъ, точно прорвавшаяся плотина, заговорили всѣ сразу и говорили, говорили безъ конца.

А когда Евгенія Ѳедоровна съ Катей вернулась къ себѣ домой,

то тамъ все еще продолжался балъ. Играла музыка, танцевали, Костя ухаживалъ за Кларой Ивановной и никому даже и въ голову не приходило, что могло произойти то, что произошло.

Что-жъ было потомъ?

Да развѣ нужно рассказывать, что было потомъ? Развѣ найдутся слова на человѣческомъ языкѣ и такой мастеръ, который могъ-бы описать радость Евгеніи Ѳедоровны и удивленіе Кости и Маргариты? Въ ту ночь Костя вернулся изъ гостей домой одинъ. Катя осталась у своей мамы ночевать. Всю ночь Евгенія Ѳедоровна не спала, сидѣла около ея постельки, крестила ее и набожно крестилась сама. Неужели это не сонъ? Неужели, думала она, Богъ услышалъ ея молитвы и снова возвратилъ ее къ той, кого видѣть такъ алчно желала ея одинокая, истомившаяся душа? Неужели она перенесетъ это счастье свиданія со своей Катей?

Но отъ радости не умираютъ. На слѣдующій-же день обѣ семьи опять сошлись вмѣстѣ и стали строить планы, какъ-бы устроить жизнь такъ, чтобы не разставаться уже никогда.

Рядомъ съ домикомъ съ голубыми воротами былъ большой пустырь, поросшій репейникомъ и бурьяномъ. Евгенія Ѳедоровна тотчасъ-же купила его и стала строить на немъ домъ. А когда

домъ былъ уже выстроенъ, то въ новой семьѣ Евгении Федоровны Богъ послалъ ей ея собственную семью. Она не могла наглядѣться на счастливую мать и на счастливыхъ дѣтей и только украдкой поглядывала на образъ и крестилась.

— Слава Богу! повторяла она. — Да будетъ Его святая воля во всемъ!

Ницца ^{10/23} Марта 913 г.

К О Н Е Ц Ъ .

М. Б—скій.

ГРОЗА ПРОШЛА!..

Вдалекѣ заблистали зарницы...
Хлопнулъ ставень; вотъ громъ про-
гремѣлъ...
Пыль несется... Попрятались
птицы...
Теплый дождь по кустамъ зашу-
мѣлъ...
Ручейки по землѣ побѣжали;
Сколько въ лужахъ большихъ пу-
зырей!..
Какъ отъ грохота грома дрожали
Стекла оконъ, балконныхъ дверей!..
Но гроза пошумѣла недолго...
Распахнули мы дверь на балконъ.

Вся въ барашкахъ была еще Волга,
Но ужъ ярко горѣлъ небосклонъ...
Громко крикнулъ пѣтухъ подъ на-
вѣсомъ;
Грѣло солнышко... Капало съ
крышъ...
Стая птицъ пронеслася надъ лѣ-
сомъ,
Крикъ ихъ замеръ... Попрежнему
тишь...
Висли капли на зелени сада;
Сильно пахли табакъ и левкой...
Отъ воды потянула прохлада,
Тихо громъ проворчалъ за рѣкой...

А. Н.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Ребенокъ сидѣлъ у стола и началъ по матери. У окна стояла его сестра и звала его къ себѣ. Какъ вдругъ въ комнату вошла мать. Ребенокъ взвизгнулъ отъ радости и побѣждалъ къ ней навстрѣчу.

Отчего онъ не пошелъ сперва къ сестрѣ и почему именно побѣждалъ сразу къ матери?

II.

По какимъ днямъ палать во всѣ пушки.

III.

Если въ словѣ, означающемъ

то, безъ чего нельзя послать письмо, переставить буквы, то получится названіе того, во что вставляютъ картины и портреты.

Какое слово задумано?

IV.

— Сколько у тебя было гусей, когда ты ихъ гналъ вчера съ поля домой? спросили у мальчика.

Онъ отвѣтилъ:

— Два гуся впереди, три позади, одинъ въ серединѣ, слѣва два, справа три и по два гуся по бокамъ.

Сколько всего было у мальчика гусей?

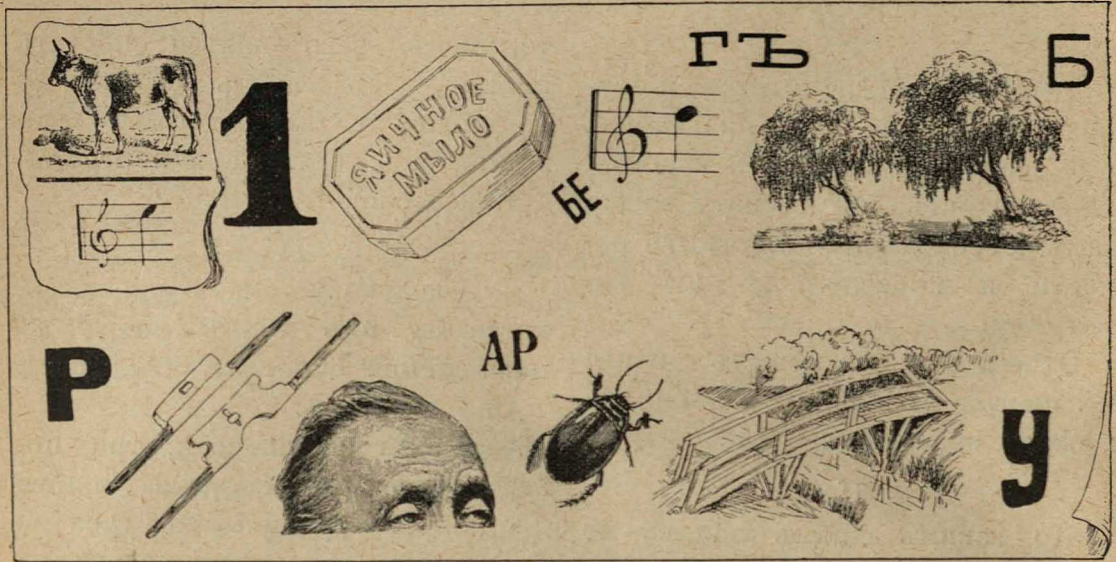

Рѣшеніе ребуса № 11, помѣщенного въ № 11. „Золотого Дѣтства“. Въ ч+е+рамы+до+лг+оси+д+ели+набере+губы+строй+ре+киска+мышь+а+ми—Вчера мы долго сидѣли на берегу быстрой рѣки съ камышами.

Вѣрные рѣшенія прислали: Галина Русиловичъ, Ира Венерть, Роба Каверъ, Абраша, Сарра и Катя Златковскіе, Шура и Сережа Биберштейнъ, Шура Ивановъ изъ Оренбурга, Коля Грепачевскій, Павликъ и Петя Урбасъ, Михей и Мишка Таптыгины, Шура и Катя Москаленко, Аня Крымъ, Нина и Маруся Никончукъ, М. Кевесъ, Сережа, Рома и Наташа Хруцкіе, Сема Туршу, Таня Александрова, Павелъ Вагнеръ, Коля, Оля, Ксаня, и Боря Быковы, Надя Бауэръ, Сергѣй, Игорь и Лина Халтурины, Рома, Висса и Валя Григорьевы, Симочка Арбузикъ, Пяля Сикорская, Тамарочка Х., Вѣра и Борисъ Антоновы, Эля, Антикъ и Маня Гурчинскіе, Миша, Володя и Саня Бурлаковы, Мурочка Сизыхъ, Коля Бондалетовъ, Братъ и сестры Еварестовы, Леонидъ Ураковъ, Наташа Крючкова, Юра и Нина Горѣловы, Людѣя Пріемская, Петръ Бауманъ, Се-

режа Лебедевъ изъ Зубцова, Леля и Мара Козо-Полянскія, Алексѣй Пичугинъ, Антонина Балашова, Лариса Багинская, Серафимъ Важинскій, Миша Михайловъ, Игорекъ и Милица кн. Чегодаевы, Кто то безъ подписи изъ Одессы, Леонардъ и Эдгаръ фонъ Рихтеръ, Витя Новоселовъ, Кина Гуриновичъ, Эльза Якубовичъ, Михаилъ и Лиза Туленковы, Котя Воротиловъ, Петя и Люба Тихонравовы, Гога Огаревъ, Ушаковы, Шурочка, Ниночка, Лиденька и Серафимъ Протопоповы, Рема Прикъ, Миля Ханжа, Оля Бредова, Лидѣя и Галя Эйхорнъ, Тася и Катя Глазуновы, Дима Трещенковъ, Софія Гребинская, Коля Худницкій, Надя Бауэръ, Саша Никифоровъ, Георгій Кильчевскій, Котя Цуцунова, Иванъ Скворцовъ со ст. Рузаевки, Кора и и Вася Андроновы, Шура и Володя Омины, Борисъ Любомудровъ, Нина Гуриновичъ, Володя Семичевъ, Зоя Дембровская, Маня, Клава и Паша Омины, Вова Зенинъ, Борисъ и Владиміръ Тренины, Петя Барановскій, Кто-то безъ фамиліи изъ Ковеля (уч. I класса), Елена Соловская, Вася Пономаревъ, Котикъ, Дѣя и Агничка Лавровы, Варя Наумова, Соня и Маруся Кузовкины, Зина и Шура Захаровы, Поля

Ребусъ № 13.

Глушакъ, Галя Попова, Митя и Володя Овсянниковы, Крошка изъ Черкассъ, Кука и Тутя Шполянскія, Сережа Стратоновичъ, Костя Колюковъ, Анна Черноуцая, Вандочка, Стась и Эдикъ Маньковскіе, Катя Головачева изъ Мира, Валя, Митя, Шура и Надя Кононовы, Кай-Куму — вождь новозеландцевъ, Сергѣй Черкасовъ,

Казикъ Щепановскій, Мотя Кевесъ, Надюша Карташева, Боря Галкинъ изъ Сочи, Лиза, Володя и Толя Фаасъ, Михайлъ Брамсонъ, Сережа, Игорь и Лина Халтурины, Гриша и Зента Шмидтъ, Лелюся Вигура, Маруся Василекъ, Роза изъ Раздвигилова, Владиміръ Хрущовъ.

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ отъ прежнихъ годовъ изданія картонажи — *приложенія для склеиванія* (домики, экипажи и т. п.) высылаются Редакціей по цѣнѣ **60 копѣекъ съ пересылкой за каждыя десять штукъ**. Менѣе десяти штукъ за одинъ разъ не отпускаются. Выписывать изъ Редакціи „Золотого Дѣтства“.

Очехъ рекомендуется! книга для дѣтей: Цѣна 40 коп.
Съ пересылкой 55 коп.

„ДРУЖОКЪ и ΘОМКА“.

Повѣсть съ иллюстраціями.

Выписывать изъ Редакціи Журнала «Золотое Дѣтство».

С.-Петербургъ Каменноостровский, 26

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми съ захватывающимъ интересомъ.

Редакторъ-издатель **М. П. Чеховъ**. Типографія Ю. Н. Эрлихъ (вл. А. Э. Коллинсъ), М. Дворянская, 19.

Годъ изданія шестой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на:

художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлечения и проч. и проч.).
- 12 ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Книгу „АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26 и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей.

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 руб. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказѣ—по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ. Можно выписывать открытымъ письмомъ изъ редакціи „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровский просп., 26. Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

